

Там, где молчит вода,

Гарен Дольфи

Там, где молчит вода

<https://litres.ru/74215442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Там, где молчит вода — это история о взрослении, выборе и силе памяти. Маленький Таками живёт в мире, сотканном из иллюзий, голода и любви своей матери. Но однажды его мир сгорает дотла, оставляя его одного среди пепла. Монах из горного храма даёт ему новое имя, учит его владеть мечом и обещает, что он найдёт свой путь. Однако правда, которую Таками ищет годами, оказывается страшнее любой битвы. И когда он стоит с занесённым мечом над спящим врагом, его судьба решается не на поле боя, а в тишине внутри него самого.

Гарен Дольфи

Там, где молчит вода

ПРОЛОГ

Лес затих, прислушиваясь к треску костра. Тьма жадно облизывала стволы вековых кедров, превращая их в силуэты застывших людей. В сердце этого леса, в самой глухомани, где даже звери боялись ступать по мху, горел маленький костёр. Едкий и белый дым тянулся вверх, к небу, смешиваясь с пеплом, который оседал на траве, камнях, на плечах человека, сидевшего у огня.

Мужчина, лет сорока, не больше. Его грубое обветренное лицо, полное глубоких морщин у глаз — следы бессонных ночей, шрамы на скулах. Одежда его, когда-то дорогая самурайская куртка, была полностью истёрта в лохмотья, перевязана верёвками, а на груди темнело пятно недавно запёкшейся крови. Определить, своя это кровь или чужая — невозможно. Пальцы мужчины, покрытые застарелыми мозолями, были покрыты свежей красно-бурой коркой. Они не дрожали. Они уверенно держали кривой нож и кусок дерева, который мужчина вырезал с такой сосредоточенностью, будто создавал драгоценность.

Деревяшка в его измотанных ладонях медленно обретала форму. Хрупкая, тонкая фигура женщины с ещё не законченным ребёнком на руках. Он проводил лезвием по незри-

мым линиям, снимая тонкие стружки, и колья пепла падали на его окровавленные запястья. Каждое движение было уверенным, отточенным — будто он делал это не один раз.

Рядом с уже почти готовой фигуркой лежали ещё две. Одна — старик с длинной бородой, в одежде монаха, с посохом в руке. Он был вырезан с особой тщательностью — каждая морщина на его лице, каждый склад одежды были проработаны до мельчайших деталей. Другая — молодая девушка со смешливым лицом и кинжалом на поясе. Её фигурка была самой маленькой и самой живой — казалось, ещё мгновение, и она рассмеётся.

Рядом возле костра лежали вещи. Катана — в простых, чёрных, слегка потёртых ножнах. Она лежала на расстоянии вытянутой руки. Рукоять была обмотана шнуром, который под натиском времени и пота потемнел. Чуть поодаль холодным синим отливом поблескивал ствол огнестрельного ружья. Кремнёвое, с длинным дулом. Огонь зашипел, поглотив ветку с влажной смолой. Вспыхнувший свет на мгновение выхватил из темноты глаза мужчины. В них не было злобы, не было страха — только бесконечная усталость человека, который видел слишком много. И смотрели эти глаза не на пламя, а на деревянные фигурки в руках.

Он поднёс их ближе к огню. Очертания женщины и младенца стали чёткими, почти живыми. Мужчина замер, вглядываясь в них так, будто ждал, что фигурки заговорят. Его губы дрогнули, но он ничего не сказал. Он просто положил

нож на землю, взял все три фигурки в ладони и прижал их к своей груди, прямо к тёмному пятну на одежде.

Минута прошла. Мужчина не шевелился. Пока ветер вдруг не донёс до леса далёкий крик — крик ночной птицы или, может быть, человека. Он вздрогнул. Опустил руки. Снова посмотрел на фигурки — и в его взгляде мелькнула грусть, которую трудно было прочесть.

Он медленно протянул руку и положил их прямо в угли костра.

Дерево вспыхнуло. Огонь лизнул хрупкие плечи женщины, посох монаха, улыбающееся лицо девушки. Через мгновение от них осталась только горстка пепла, который подхватил ветер и разнёс по лесу, смешав с землёй и тьмой.

Мужчина поднял глаза к небу, и в тишине ночи, под вой ветра, он прошептал:

— Прощайте...

Он поднялся. Его движения были медленными, как у человека, который нёс на своих плечах тяжесть многих лет. Он закинул ружьё за спину, взял в руку катану. На миг задержался, глядя на пепел, оставшийся от фигурок. Потом развернулся и, не оборачиваясь, ушёл в лес, оставляя за собой лишь догорающий костёр и тишину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ОКЕАН МОЛЧАНИЙ»

Зима. У подножия горы стояла голодная деревня – время смуты и тяжелых лет. Небольшие торговцы раз в месяц при-

езжали в деревушку, чтобы продать теплую одежду и рис. Один из таких торговцев встал возле переулка и приторговывал рисом. К нему выстроилась мелкая очередь из 4 человек, одними из этих людей была мать с ребенком. Мальчику на вид лет 12, худое лицо и длинные руки, одет в какие-то лохмотья. Он держал мать за руку и нежными карими глазами смотрел на её стройный силуэт, этот взгляд передавал всю его зависимость и любовь. Этого мальчика зовут Таками, что означает “смотрящий ввысь”.

Таками и его мать пошли домой. Они жили бедно, но маленькому ребенку было все равно, лишь бы мама всегда была рядом. В их доме была одна большая комната с земляным полом, в центре находился очаг для приготовления пищи. В доме все пропахло холодным пеплом и сыростью. Грубые щели в стенах позволяли ветру пробираться в дом, заставляя Таками кутаться в старую рваную циновку на приподнятом настиле. Мать сидела у очага на земляном полу, помещивая пустой рисовый суп в почерневшем от времени котле. Её лицо было бледным, а руки, такие же холодные, как и глиняный пол. Маленький Таками наблюдал на затянутое полупрозрачной бумагой окошком, сквозь которое едва пробивался солнечный свет.

Взгляд сына упал на мать: она уже закончила с приготовлениями, набрала в плошку рисового супа и поставила рядом с ним. В плошке виднелся жидкий рис, в котором плавали несколько травинки – всё, что у них было на ужин.

— Ешь, — сказала она.

Таками посмотрел на суп, потом на неё. Её лицо было бледным, руки — тонкими, почти прозрачными в свете очага.

— А ты, мама?

Она улыбнулась. Улыбка была тёплой, но в глазах — тень, которую он не мог прочесть.

— Я уже ела. Когда ты спал.

Он знал, что это неправда. Она всегда так говорила. Он взял плошку, и пар обжёг ему пальцы, но он не отдернул руку. Просто сжал тёплую глину и поднёс к губам.

— Мама, — сказал он, глядя в суп. — Почему у нас нет ничего?

Она помолчала. В очаге треснуло полено.

— У нас есть мы, Таками. Это больше, чем у многих.

— Но мы голодаем.

Она протянула руку и коснулась его волос. Пальцы её были холодными.

— Ты не голодаешь, пока у тебя есть я. Ешь.

Он доел всё до последней капли. Когда отставил плошку, мать не смотрела на него. Она сидела у очага, поджав ноги, и смотрела на огонь, который почти погас.

— Мама, — позвал он.

Она не ответила. Её плечи были опущены, голова склонена. Он испугался на мгновение, но она медленно повернулась, и в её глазах он увидел ту же тёплую усталость, что

всегда.

— Что, сын?

— Расскажи мне про деда.

Она замерла. В очаге что-то тихо щёлкнуло, и уголёк упал в пепел, рассыпавшись искрами.

— Зачем тебе? — спросила она тихо.

— Ты говорила, что он был искусным самураем. Что у него был меч, — Таками кивнул на стену, туда, где в тени висело что-то длинное, завёрнутое в старую ткань. — Он там. Я знаю.

Мать не обернулась. Она смотрела на сына, и в её взгляде мелькнуло что-то — страх? Тоска?

— Меч не игрушка, Таками. — Она говорила тихо, но в голосе её была закаленная сталь. — Меч — это проклятие. Это инструмент убийства. Не защиты. И не славы с честью.

— Но я хочу научиться, — сказал он, и голос его дрогнул. — Чтобы защищать самое дорогое. Тебя

Она долго молчала. Огонь почти погас, и комната погружалась в синие сумерки. Её лицо стало бледным, почти прозрачным.

— Слушай меня, Таками. Ты будешь слушать?

Он кивнул.

— Я не хочу, чтобы ты лишал кого-то жизни. Никогда. Даже если ты будешь голодать, даже если тебе будет страшно, даже если тебе покажется, что другого выхода нет. — Она протянула руку и сжала его ладонь. — Ты понял меня?

— Но мама, если кто-то нападёт на тебя —

— Если кто-то нападёт, ты убежишь. Ты спрячешься. Ты выживешь. Это всё, что я хочу. Слышишь?

Он смотрел на неё и не понимал. Ему хотелось быть храбрым, как дед. Хотелось взять тот меч и стать настоящим воином. Но её слова ложились на его сердце, как мокрый снег, гасящий огонь.

— Хорошо, мама, — прошептал он, опустив голову.

Она улыбнулась. Улыбка была мягкой, но в глазах — слёзы. Она быстро отвернулась и уставилась на догорающий очаг.

— Ложись спать, — сказала она. — Завтра будет новый день.

Таками послушно лёг на циновку, укрылся рваным одеялом и закрыл глаза. Но он не спал. Он смотрел в темноту, на стену, туда, где висел свёрток с мечом. Ему казалось, что из-под ткани пробивается слабый свет, но он знал — это просто его воображение. Или луна, отразившаяся в старом клинке.

Он уснул, но сон его был тревожен.

Во сне он встретил маму. Она стояла как обычно у входа в дом, и ветер развеивал её волосы, хотя он был совсем слабым. Она посмотрела на него и улыбнулась — той же улыбкой, что днём. Но когда он подошёл ближе, она стала будто прозрачной, Таками попытался обнять её, но его руки прошли словно через туман, и он почувствовал, что проваливается сквозь неё.

Он проснулся в холодном поту. Была глубокая ночь. В доме было тихо.

— Мама? — прошептал он в темноту.

Тишина. Только ветер за стенами. Он сел. Сердце колотилось, и страх полз по спине, холодный, липкий. Он посмотрел на очаг. Угли почти погасли, но в их слабом отблеске он увидел её силуэт. Она сидела на прежнем месте, у очага, но не двигалась. Беззвучная. Невозможная.

— Мама? — позвал он громче.

Она не ответила. Он вскочил с циновки и подбежал к ней, и только когда он коснулся её руки, она вздрогнула и обернулась.

— Что, сын? — спросила она, и голос её звучал так, будто она только что проснулась.

— Ты... ты не отвечала, — прошептал он, чувствуя, как дрожат колени.

Она коснулась его лица своей холодной ладонью.

— Я здесь, — сказала она. — Я всегда здесь. Иди спать.

Он пошёл. Но в эту ночь он больше не сомкнул глаз. Он лежал на спине, глядя в потолок, где в щелях между брёвнами темнело небо. И думал о том, почему у неё всегда такие холодные руки.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «ОБЕЩАНИЕ»

Таками проснулся от сильного холода. Ноги онемели, он пошевелил пальцами, сбрасывая оцепенение. За окном было

серое утро — туман, тишина. Мать уже не лежала рядом.

Он сел на циновке. В доме было пусто и одиноко. Очаг почти погас, и только слабый синий дымок тянулся вверх, к закопчённой соломе крыши.

— Мама? — позвал он. Голос прозвучал глухо и слегка хрипло.

Никто не ответил. Он встал, подошёл к двери. Она была приоткрыта, и в щель дул холодный ветер, неся за собой запах влажного леса. На пороге стояла глиняная миска — пустая. Мать, видимо, ушла за хворостом. Или за водой. Она часто уходила рано утром, пока он спал.

Таками поёжился и вернулся в дом. Он посмотрел на очаг, на пустой котёл, на циновку, на которой они спали. И вдруг его взгляд упал на стену.

Там, в тени, под самой крышей, висел старый свёрток. Ткань, которой он был обернут, пожелтела от времени, и в некоторых местах она была порвана, открывая тёмный металл. Что-то тянуло его туда.

Он подошёл ближе. Сердце колотилось. Свёрток висел на старом гвозде, и Таками мог бы достать его, если бы встал на цыпочки.

— Мама сказала не трогать, — прошептал он сам себе. — Она сказала...

Но он уже тянул руку. Пальцы коснулись грубой ткани. Он сжал её и потянул на себя. Гвоздь скрипнул, и свёрток упал в его руки, тяжело, как камень. Он едва удержал его.

Ткань развернулась, и перед ним предстал меч — старый, с потускневшей гардой, в простых чёрных ножнах. Он был тяжёлым, холодным, и когда Таками провёл пальцем по ножнам, ему показалось, что металл дрогнул, будто живой. Он медленно вытянул меч из ножен. Клинок блеснул тусклым светом. Лезвие было не ржавым, как он думал — оно было чистым, острее, чем он мог себе представить. И в этом металле, в его холодной глубине, он увидел своё отражение — испуганное лицо мальчика с широкими глазами.

— Что ты делаешь?

Голос матери ударил его, как пощёчина. Он вздрогнул и чуть не выронил клинок. Она стояла в дверях, и в руках у неё была вязанка хвороста. Её лицо было бледным, глаза широко раскрыты, и в них — не гнев, а ужас.

— Я... я просто хотел посмотреть, — прошептал Таками.

Она бросила хворост на землю и в два шага пересекла комнату. Она вырвала меч из его рук так быстро, что он даже не понял, как это случилось. Она отступила к стене и прижала клинок к груди, как будто защищая его.

— Тебе не следовало прикасаться к нему — Голос её дрожал. — Ты не должен был...

— Но мама, — он сделал шаг к ней, испуганный её страхом. — Я только хотел посмотреть... я бы не сделал ничего плохого.

Она тяжело дышала. Потом её плечи опустились. Она медленно опустилась на пол, держа меч в руках, и уставилась

на него пустым взглядом.

— Глупый сорванец, — прошептала она. — Ты не понимаешь.

— Тогда научи меня, — сказал Таками. Он опустился перед ней на колени, заглядывая в её лицо. — Научи меня, чтобы я мог защитить тебя. Чтобы никто не мог нам навредить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.